

Российское историческое общество

Всеукраинская общественная организация
«Украинская Академия Русистики»

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ VI | XXI

Под общей редакцией
академика Национальной
академии наук Украины
П. П. Толочко

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)
И90

Издание подготовлено при финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Авторский коллектив:

Толочко П. П., д-р ист. наук, академик НАН Украины (руководитель);
Олейников А. А., канд. ист. наук (заместитель руководителя);
Симоненко Р. Г., д-р ист. наук, профессор;
Солдатенко В. Ф., д-р ист. наук, член-корреспондент НАН Украины;
Суименко Е. И., д-р филос. наук, профессор;
Шульга Н. А., д-р филос. наук, профессор.

И90 **История Украины. VI–XXI вв.** / П. П. Толочко, А. А. Олейников [и др.]; под общей ред. П. П. Толочко. 2 изд., испр. и доп. — К.; М.: «Киевская Русь»; Кучково поле, 2018. — 472 с.

ISBN 978-5-9950-0873-6

В «Истории Украины», созданной ведущими украинскими историками под руководством академика П. П. Толочко, предпринята попытка объективно, на широком документальном материале, представить непростую историю Украины. В книге показана неразрывная связь наших народов, роль украинцев в создании российской государственности и культуры. Авторы стремились уйти от конъюнктурной идеологической одномерности, показать историческое прошлое Украины во всей его сложности и противоречивости, а украинский народ не как жертву чужестранных покорителей, но как народ-созидатель, полноправный субъект отечественной и мировой истории.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

ISBN 978-5-9950-0873-6

© Коллектив авторов, текст, 2018
© ООО «Кучково поле», макет,
издание, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И РУСЬ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА	15
§ 1. ЛЕТОПИСНЫЕ «ПЛЕМЕНА»	15
§ 2. РУСЬ – РУССКАЯ ЗЕМЛЯ	25
ГЛАВА 2. КИЕВСКАЯ РУСЬ	38
§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ	38
§ 2. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РУСИ	52
§ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	65
§ 4. ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	70
§ 5. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА	73
§ 6. КУЛЬТУРА	77
ГЛАВА 3. РУСЬ И КОЧЕВОЙ МИР СТЕПЕЙ	83
§ 1. ПЕЧЕНЕГИ И РУСЬ	83
§ 2. ТОРКИ И РУСЬ	90
§ 3. ПОЛОВЦЫ И РУСЬ	96
§ 4. МОНГОЛО-ТАТАРЫ И РУСЬ	104
ГЛАВА 4. ЮЖНАЯ РУСЬ В СЕРЕДИНЕ XIII–XVI ВВ.	111
§ 1. СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬ ЮЖНОЙ РУСИ	111
§ 2. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РУССКОЕ В XIII – СЕРЕДИНЕ XVI В.	118
§ 3. ЛИТОВСКАЯ РУСЬ	120
§ 4. МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ МИРЕ	123
§ 5. КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVII В.	128
ГЛАВА 5. УКРАИНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.	140
§ 1. УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	140
§ 2. УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. РОСТ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ГНЕТА	143
§ 3. УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ СВЯЗИ	147

§ 4. НАРАСТАНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.	149
§ 5. УКРАИНА В ГОДЫ «ЗОЛОТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ» (1638–1648)	154
ГЛАВА 6. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА (1648–1654)	156
§ 1. НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ И СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.....	156
§ 2. БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ В 1649–1650 ГГ. ЗБОРОВСКИЙ МИР	161
§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УКРАИНЕ В ГОДЫ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ	163
§ 4. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ В 1650–1653 ГГ.	166
ГЛАВА 7. ВХОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ В СОСТАВ РОССИИ	172
§ 1. УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ	172
§ 2. ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ. ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА	178
§ 3. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ УСЛОВИЙ ВХОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ В СОСТАВ РОССИИ	182
ГЛАВА 8. УКРАИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.	188
§ 1. БОРЬБА УКРАИНЫ И РОССИИ ПРОТИВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГЕТМАНСТВА Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО	188
§ 2. ГЕТМАНСТВО И. ВЫГОВСКОГО. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	193
§ 3. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РАСКОЛ УКРАИНСКОГО ГЕТМАНАТА. «РУИНА»	199
§ 4. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ И ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА В КОНЦЕ XVII В.	203
ГЛАВА 9. УКРАИНА В XVIII В.	205
§ 1. УКРАИНА В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ	205
§ 2. ЛИКВИДАЦИЯ АВТОНОМИИ УКРАИНЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	213
§ 3. ВХОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В СОСТАВ РОССИИ	216
§ 4. КУЛЬТУРА В УКРАИНЕ В XVIII В.	218

ГЛАВА 10. УКРАИНА В XIX В.	221
§ 1. УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	221
§ 2. РУССКАЯ УКРАИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	231
§ 3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ УКРАИНЫ	237
§ 4. ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА	245
ГЛАВА 11. УКРАИНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	253
§ 1. НА ПОРОГЕ XX СТОЛЕТИЯ	253
§ 2. УКРАИНА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	261
§ 3. УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	267
ГЛАВА 12. УКРАИНА В 1917–1920 ГГ.	283
§ 1. ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕТЕР	283
§ 2. ОКТЯБРЬСКАЯ БУРЯ	287
§ 3. ВОЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ	293
§ 4. ГЕТМАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА	296
§ 5. НОВЫЙ ПОРЫВ	300
§ 6. НОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	304
§ 7. НОВОЕ КАЧЕСТВО	308
ГЛАВА 13. УКРАИНА В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1921–1941)	313
§ 1. ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД: ОТ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НЭПУ	313
§ 2. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ	317
§ 3. ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	322
§ 4. ФОРСИРОВАННЫЕ ТЕМПЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	325
§ 5. ГОЛОД 1932–1933 ГГ. ВЫХОД УКРАИНЫ ИЗ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	328
§ 6. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	331
§ 7. МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГГ.	334
ГЛАВА 14. УКРАИНА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945)	337
§ 1. ОТ ПОЛИТИКИ УМИРОТВОРЕНИЯ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ	337
§ 2. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	349
§ 3. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗИМОЙ – ЛЕТОМ 1942 Г.	357

§ 4. ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В УКРАИНЕ	359
§ 5. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОДПОЛЬНАЯ БОРЬБА В УКРАИНЕ	364
§ 6. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ И ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ (1942–1944)	370
§ 7. ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ НОВЫХ ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ СССР И УТВЕРЖДЕНИЕ УКРАИНЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ	374
ГЛАВА 15. УКРАИНА В 1945–1990 ГГ. УСИЛИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЫ	381
§ 1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАЗРУШЕННОГО ВОЙНОЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА	382
§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И КУЛЬТУРА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	385
§ 3. ПОСЛЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ УКРАИНЫ И ХРУЩЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ	389
§ 4. ПРИХОД К ВЛАСТИ А. И. БРЕЖНЕВА. КОСЫГИНСКИЕ РЕФОРМЫ	393
§ 5. НАЧАЛО ЗАСТОЯ	396
§ 6. ВЛАДИМИР ЩЕРБИЦКИЙ: ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА	399
§ 7. КОНЕЦ ГЕРОНТОКРАТИИ И НЕ СОСТОЯВШАЯСЯ «ПЕРЕСТРОЙКА»	403
§ 8. УСКОРЕНИЕ И ПЕРЕСТРОЙКА В УКРАИНЕ	404
ГЛАВА 16. СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА В УКРАИНЕ	411
§ 1. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ	411
§ 2. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ НЕЗАВИСИМОГО УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА	416
§ 3. СМЕНА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ	417
§ 4. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ. УПАДОК В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ	423
§ 5. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	427
ГЛАВА 17. УКРАИНА В НАЧАЛЕ XXI В.	432
§ 1. НАРАСТАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА И КОНФЛИКТ ЭЛИТ ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2004 Г.	432
§ 2. «ОРАНЖЕВАЯ ПЕРЕСТРОЙКА». НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	435
§ 3. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА И КРАХ «ОРАНЖЕВОЙ» ВЛАСТИ	438
§ 4. РЕВОЛЮЦИЯ ДОСТОИНСТВА	447
ПРИМЕЧАНИЯ	451

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 г. по инициативе Министерства образования и науки был сделан новый заказ на учебники истории Украины. После обретения государственного суверенитета это был уже не первый призыв написать правдивую историю нашей страны. Прежние мотивировались тем, что ученики и студенты не могут учиться по советским учебникам, в которых она представлена тенденциозно, к тому же не как самостоятельная, а как часть имперской истории России и Советского Союза. Что и говорить, мотивы действительно убедительные. Труднее с очередным призывом.

Новые учебники к этому времени уже были написаны, история Украины освещена в них в полном соответствии с национал-патриотическим социальным заказом. По сравнению с представленной в учебниках советского времени она изменилась до неузнаваемости. Можно было бы понять новый заказ, если бы он обуславливался требованиями большего профессионального подхода к освещению истории, ухода от ее политизации и мифологизации. Но, оказывается, причина вовсе не в этом, а в том, что учебники-то написаны в основном до прихода к власти «оранжистов» и не в полной мере отвечали их представлениям о прошлом Украины.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с учебными историями, написанными в независимой Украине, — это немислимая нетребовательность их авторов к научности. Можно согласиться с тем, что история — учебная дисциплина не тождественна истории — академической науке. Определенно, у них разные задачи, а следовательно, и разный уровень обобщений. Но чтобы одна не вытекала из другой, не пользовалась ее достижениями, а почти целиком уходила в область мифологических представлений об историческом процессе, такого даже и в поруганном социалистическом прошлом не было.

Примером одного из таких мифов является нынешнее повсеместное увлечение трипольской археологической культурой. Она, бесспорно, яркая, но вполне первобытная, ничего общего с первыми мировыми цивилизациями не имеющая и сама не являющаяся таковой. Изучается более 100 лет. Распространена на территории трех современных стран — Румынии, Молдовы и Украины. Несомненно, ее население участвовало в сложных этногенетических процессах на нынешней территории Украины в VI–III тыс. до н. э., но считать его праукраинским, как это представлено в новой исторической литературе, нет никаких оснований.

Аналогичная мифологизация наблюдается практически в каждом периоде древней истории. Во всех случаях побудительным мотивом является стремление рассматривать ее исключительно сквозь украинскую этническую призму, что логически ведет к ее искажению. По существу, в новых учебниках прошлое предстает не таким, каким оно было, и даже не таким, каким могло быть, а таким, каким его хотят видеть нынешние этнопатриоты. При этом многие из них

искренне убеждены, что на современном этапе развития украинской государственности и народного самосознания создание национальных мифов крайне необходимо. Как утверждает один из талантливейших украинских поэтов, это тот случай, когда ложь во благо.

Видимо, именно этим можно объяснить появление в учебниках рассказов о древнейшем украинском государстве Аратта, которое старше Шумера и Аккада, о становлении украинской монархии в скифское время, о заселении славянами Северной Африки и Ближнего Востока, о «Велесовой книге», об украинцах — создателях Киевской Руси, об украинских именах в дохристианские времена. Украинцев еще не было, а «украинские» имена уже были. Причем авторы таких откровений не задумываются над тем, что дохристианские имена «украинцев» были точно такими, как у «русских» и «белорусов»? Впрочем, как и христианские.

После киеворусского времени радужные мифы постепенно теряют свое позитивное содержание и превращаются в страшилки о невыносимо трудной судьбе Украины. Особенно это относится ко времени после присоединения ее к России и до распада Советского Союза. В новых учебниках Украина представляется исключительно как жертва российского империализма, которая в продолжение более чем 300-летнего периода находилась в положении колонии, эксплуатируемой и притесняемой москалями.

Стоит ли говорить, что эта ложь уж точно не во благо. Ведь она формирует в обществе негативное историческое самосознание, развивает комплекс исторической неполноценности, неуверенности в собственных созидательных способностях. Ведь если не было успехов в прошлом, если несчастными украинцами не помыкал только ленивый, то какая может быть уверенность, что в будущем будет по-другому. Так и прививается в масштабах целого народа чувство социально-психологической несостоятельности.

А еще безответственности за прошлое, которое было якобы и вовсе не его прошлым. К нему он не имел иного отношения, как только пассивной жертвы. Объединение в 1654 г. с Россией навязали нам лукавые москали, социализм в Украину принесли на штыках тоже они. В 1932–1933 гг. устроили украинцам страшный голодомор, а в 1941–1945 гг. втянули в свою войну с Германией, которая теперь именуется в Украине в лучшем случае как Вторая мировая, в худшем — как Советско-немецкая или война Сталина и Гитлера.

Стоит ли доказывать, что изъятие прошлого из исторического контекста России и Советского Союза превращает Украину из субъекта истории в ее объект. Разумеется, это не так. Вот только в новых учебниках истории не найти свидетельств того, что украинцы были такими же сотворцами российской государственности и культуры, как и русские, что одним из авторов, выражаясь современным языком, проекта Российской империи был соратник Петра I, бывший ректор Киево-Могилянской академии профессор Ф. Прокопович, что практически во всех правительствах России, начиная от Елизаветы Петровны, на вторых ролях находились украинцы. Это братья Алексей и Кирилл Разумовские, сын Кирилла Алексей Разумовский, А. Безбородко, В. Кочубей. В советское время выходцы из Украины были не только вторыми лицами в государстве, как К. Ворошилов, Н. Подгорный и другие, но и первыми — Н. Хрущев, Л. Брежнев.

Как же можно утверждать, что это была не наша история? Как можно говорить о колониальном статусе Украины? Где еще представители угнетенного народа имели такой доступ к управлению страной, становились канцлерами, министрами, сенаторами, крупными военачальниками и другими высокопоставленными чиновниками метрополии?

Еще большим было участие украинцев в созидании общерусской культуры. В XVII в. на этом поприще трудились Е. Славинецкий, А. Сатановский, в XVIII в. — С. Яворский, Ф. Прокопович, Дм. Ростовский (Туптало), Д. Левицкий, В. Боровиковский, А. Лосенко, в XIX в. — О. Бодянский, М. Максимович, Н. Гоголь, Н. Костомаров, в XX в. — И. Козловский, К. Паустовский, Н. Островский, С. Бондарчук и многие другие. Взаимопроникновение культур двух родственных народов было столь значительным и органичным, что мы и сегодня не можем с достаточной степенью убедительности, а главное, без ущерба для исторической правды разделить многих деятелей истории, культуры, науки между Россией и Украиной.

К сожалению, обо всем этом в наше время не принято писать и говорить. Потому и можно услышать от молодых людей, к примеру, сомнения в легитимности Переяславской Рады, на которой не было принято никакого юридического документа об объединении Украины и России. Это они прочитали в новых учебниках, авторы которых прибегают к элементарному шулерству. Ведь знают же, что на Переяславской Раде и не должны были приниматься никакие юридические акты. Они были приняты раньше, в 1653 г. Было прошение гетмана Б. Хмельницкого о принятии Малороссии в российское подданство, и было решение Земского собора России об его удовлетворении. Знают и тем не менее лукаво роняют в молодые души зерна сомнений.

Откровенной тенденциозностью отличается освещение истории Украины после вхождения ее в состав России. Последняя фигурирует в программе не под своим официальным названием, а исключительно под тем, которое употреблялось западными авторами — Московия. «Приобщение казацкой территории к Московии», «степное пограничье Московии», «союз с Московией Ивана Брюховецкого», «деление Украины по Андрусовскому перемирию Московии с Речью Посполитой». Понятно, что этим подчеркивается неуважение к России. Нельзя же подозревать людей с докторскими и кандидатскими степенями в том, что они не знают ее официального названия. Со времен Ивана IV русские монархи именовались «великими князьями всея Руси», а современник Богдана Хмельницкого Алексей Михайлович имел титул «царя и великого князя всея Руси».

Вся украинская казацкая история — от Богдана Хмельницкого до Ивана Мазепы — подается почти исключительно как ситуативные поиски гетманами своих политических протекторов. Иван Мазепа будто и вовсе стремился сделать Украину самостоятельной. Конечно, это весьма упрощенное понимание украинской истории, в сущности, взгляд сквозь призму нынешнего нашего бытия. Ни о какой «самостоятельности» Иван Мазепа и не помышлял. Предав Петра I, он не провозгласил самостоятельность Украины, но избрал себе новых сюзеренов в лице Карла XII и польского короля Станислава Лещинского.

С таким же лукавством авторы утверждают, что советская власть и социализм Украине были навязаны исключительно большевиками России. Это отсюда пришли «несметные» орды Муравьева и принесли на своих штыках бедным укра-

инцам ненавистный им социализм. Хотя, если бы были честны перед историей, должны были сказать, что за советскую власть сражались десятки тысяч украинцев под водительством украинских же полководцев — Щорса, Боженко, Пархоменко, Коцюбинского, Антонова-Овсеенко и другие, что их поддержало большинство украинского населения. Признал же это впоследствии такой видный деятель украинской революции, как В. Винниченко.

Историческая правда заключается также и в том, что социалистическую идею исповедовали и утверждали своим творчеством такие выдающиеся украинские интеллектуалы, как И. Франко, М. Драгоманов, Леся Украинка, В. Винниченко. Были социалистами, как известно, и отцы-основатели Украинской Народной Республики — М. Грушевский, В. Винниченко, С. Петлюра.

То же можно сказать и о трагическом голоде 1932–1933 гг., унесшем миллионы украинских жизней. Кроме Украины, страшная беда постигла и другие зерноносящие регионы Советского Союза: Кубань, Подонье, Поволжье, Северный Казахстан. Признавая это, некоторые украинские историки утверждают, что больше всего жертв было все же на Украине. А коль скоро это так, значит, мы имеем дело с явлением геноцида против украинского народа. Вполне конкретен и адрес палачей: конечно, это Москва. Нам бы задуматься над тем, почему с Украины выгребли хлеба больше, чем из других регионов. Не наши ли соотечественники повинны в этом? Из Москвы ведь не было видно крестьянских чуланов или ям с зерном.

Особенно безнравственным выглядит в новых учебниках отношение к Великой Отечественной войне, а также к событиям, предшествовавшим ей и за ней следовавшим. Практически произошла тотальная их переоценка. Уравнены в ответственности жертва и ее палач. Война объявлена не нашей. Герои-освободители, получившие признание и уважение всей спасенной ими от фашистской чумы Европы, унижены реабилитацией и героизацией западноукраинских националистов, сотрудничавших с немцами. Пакт Молотова — Риббентропа объявлен преступным тайным сговором двух агрессоров, а послевоенное мироустройство — порабощением Советским Союзом народов Восточной Европы.

Нередко приходится слышать, что пересмотр взглядов на Вторую мировую войну и ее итоги неизбежен и нормален. Это, мол, общеевропейская тенденция. Возможно. Но если это нормально для Европы, которая войну проиграла, то совсем не нормально для Украины, получившей в результате этих «итогов» возможность соединить практически все свои западноукраинские земли. Пересматривать итоги надо тогда, когда вы согласны пересмотреть и результаты. В случае с Украиной это означает вернуть земли тем странам, от которых они «незаконно» были отторгнуты согласно «преступному» пакту Молотова — Риббентропа, и признать довоенные границы. Если мы этого делать не намерены, тогда следует прекратить данное безнравственное фарисейство.

Совершенно по-новому освещается теперь и националистическое движение на Западной Украине в годы Второй мировой войны. Оказывается, это оно, а не Советская армия и советские партизаны, является истинным освободителем Украины. «Оранжевая» власть в лице президента озаботилась установлением дней празднования «доблестных» ОУН-УПА, присвоила их предводителям звания героев Украины, а чуткие к социальному заказу историки быстренько подложили под него историческое обоснование. И, разумеется, никакой объективности,

сплошная апологетика. Практически ничего о непримиримых противоречиях между отдельными ветвями националистов, сопровождавшихся междоусобной братоубийственной войной. Ничего о жестоком терроре по отношению к мирному населению, в первую очередь к национальным меньшинствам и так называемым схиднякам. Ничего о борьбе с советскими партизанами, и, конечно же, ни слова о тесном сотрудничестве с немцами, которое началось еще с предвоенной поры, когда Германия только готовилась к войне с Советским Союзом и создавала собственную «пятую колонну».

Позорное сотрудничество с фашистами имело место во время Второй мировой войны почти в каждой воюющей стране. Но ни в одной из них оно не было оправдано. Коллаборационизм осужден на Нюрнбергском процессе, и в демократических обществах считается неприличным подвергать этот юридический и нравственный императив пересмотру. В Украине с нравственностью не так хорошо, а поэтому отношение к коллаборационизму совсем иное. На нем воспитывается молодое поколение. Львовские школьники изучают биографию лидеров ОУН Бандеры и Шухевича и заявляют, что хотели бы быть такими же мужественными и смелыми, как они. По всей Украине их именами называют улицы и проспекты. Удивительно, что демократический Запад, в том числе и Польшу, чьи соотечественники больше других испытали на себе «героизм» бандеровцев, это нисколько не волнует.

Украина имеет непростую историю. Можно сказать, две разные истории. Ту, которая была общей с Россией и Белоруссией, и ту, которая является общей с рядом западных стран — Польшей, Литвой, Австро-Венгрией, Румынией. Так вот, если первая в новейших исторических работах, в том числе и учебниках, представляется как непрерывная цепь страданий несчастных украинцев, как своеобразная черная дыра и пропащее время, вторая излагается вполне сочувственно, как приемлемая альтернатива. Все в этой истории было лучше. В составе Польской империи Украина являлась чуть ли не равноправным учредителем Речи Посполитой. В либеральной Австро-Венгерской империи тоже чувствовала себя достаточно комфортно. Не испытывала такого гнета, какой имел место в «тюрьме народов» России, ни в социально-экономическом, ни в национально-культурном отношении.

И, по существу, ничего о том, что украинцы в этих государственных образованиях были людьми второго сорта, что ни в одном из них не получали такого доступа к государственному управлению, какой имели их соплеменники в России, что польские «либералы» посредством Брестской унии отняли у них веру отцов и дедов, навязали католицизм, а австро-венгерские — заключали их в концентрационные лагеря Терезин и Талергоф. Если так хорошо было украинцам в названных странах, тогда чем объяснить, что они постоянно стремились их покинуть. Отчего Богдан Хмельницкий увел Украину из польского «рая» в российский «ад», а миллионы западных украинцев бежали из либеральной Австро-Венгрии аж за океан?

И негативный ряд, и вопросы «почему» можно продолжить, но не это является целью данного исследования. Нет совершенно никакого смысла в сведении счетов с историей. Она была такой, какой была, и мы должны не судить ее, но извлекать из нее нужные уроки. При этом речь идет об обеих историях. Определив-

шаяся в новой Украине тенденция их столкновения и противопоставления, объявления одной из них лучшей и навязывание всей стране ее цивилизационных ценностей чрезвычайно опасна для нынешнего развития. Она, по существу, является главным препятствием формирования украинской политической нации, чревата непредсказуемыми разрушительными выбросами в будущем.

Если мы считаем, что являемся единым народом и единой страной, необходимо как можно быстрее отказаться от культивирования войны с собственной историей и ранжирования ее на хорошую «свою» и плохую «чужую». Надо, наконец, понять, что нельзя до бесконечности открывать «белые пятна», ковырять старые раны и превращать это мазохистское занятие чуть ли не в основной государственный приоритет. Невозможно бесконечно рыдать над своим прошлым, пытаясь при этом превратить нашу национальную скорбь во вселенскую, как это имеет место с голодом 1932–1933 гг., который мы навязчиво просим признать геноцидом украинского народа на уровне Организации Объединенных Наций. Просим с таким иступленным упорством, как будто это признание способно воскресить невинные жертвы. Мы совершенно не озабочиваемся тем, что демографические потери в суверенной Украине уже намного превысили число жертв голодомора.

Общей чертой исторических учебников и пособий является то, что все они, независимо от фамилий, значащихся на обложках, скроены практически по единому идеологическому образцу. Никакого разномыслия и вариативности. Разумеется, идеология — это естественная оценочная система взглядов на свое прошлое. Без нее не пишутся учебники истории ни в одной стране. Но идеологии бывают разные. Одно дело — идеология формирования позитивного образа своей страны на основании отбора позитивных исторических фактов, а другое — идеология, основывающаяся на бесконечном открывании «белых пятен», предъявлении обществу исключительно темных страниц его прошлого и поиске врагов. У нас для этой цели создан даже Институт национальной памяти, причем не в системе академической или университетской науки, а при Кабинете министров, как своеобразный исторический комиссариат. Но это значит, что идеология нашего отношения к прошлому определяется не научной исторической мыслью, а директивами государственных чиновников.

В предложенных очерках авторы стремились уйти от конъюнктурной идеологической одномерности, показать историческое прошлое Украины во всей его сложности и противоречивости, а украинский народ не как жертву чужестранных покорителей, но как народ-созидатель, полноправный субъект отечественной и мировой истории.

П. П. Толочко

* * *

Книгу «История Украины» подготовил к печати авторский коллектив: Толочко П. П. (предисловие, гл. 1–3); Олейников А. А. (гл. 4–10, 14, 17 § 4); Симоненко Р. Г. (гл. 11); Солдатенко В. Ф. (гл. 12); Суименко Е. И. (гл. 13 и 15 § 1–7); Шульга Н. А. (гл. 15 § 8, гл. 16 и гл. 17 § 1–4).

ГЛАВА 1 ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И РУСЬ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. ЛЕТОПИСНЫЕ «ПЛЕМЕНА»

В данной главе речь пойдет о восточных славянах VI–IX вв., когда они уже занимали огромные пространства Восточной Европы и зафиксированы исторической памятью как непосредственные предшественники и участники длительного процесса создания Древнерусского государства, а затем и формирования трех восточнославянских народов. Главным источником, позволяющим восстановить этнографическую структуру восточных славян, является древнерусская летопись. Ее свидетельства о славянских «племенах», разумеется, не синхронны времени их жизни, но если бы их вообще не было, наши рассуждения об этом этапе восточнославянского этногенеза, основанные только на археологических материалах, не имели бы конкретного содержания. Можно дискутировать по поводу того, что понимал летописец под терминами «поляне», «древляне», «северяне» и другие, можно спорить о том, какими были ареалы их расселения, но то, что в летописи речь идет об определенных этнографических частях единого восточнославянского мира, не подлежит сомнению.

Рассказывая о расселении славян с их дунайской прародины, автор введения к «Повести временных лет» достаточно четко и конкретно обрисовывает их восточную ветвь: «Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ... А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася сѣверь»¹.

В другом месте летописец дорисовал картину расселения восточных славян сообщением об их северо-восточном и юго-западном ответвлениях: «Радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясѣх — Радим, а другий Вятко — и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи... Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви»².

В ряде других мест введения летописец конкретизирует свою этногеографию восточных славян уточнениями, что кривичи сидели в верховьях Днепра,

а их городом был Смоленск, что словене «сдѣлаша градъ» Новгород, а поляне основали город Киев. Очень важными для нашего исследования являются летописные сентенции о родовой общности всех восточных славян. После рассказа об их расселении летописец говорит о северных и северо-восточных соседях, таких как весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва и другие, при этом всякий раз уточняет, что у каждого из них был свой язык: «А се суть инии языци... Си суть свой языкъ имущее»³. Даже если бы летописец и не оговорил специально, что славян объединял единый язык, об этом можно было бы сделать заключение на основании приведенного выше свидетельства. Но такое уточнение в летописи тоже имеется: «Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, древяне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣвѣрь, бужане... вельняне»⁴.

Исследуя проблему этнического развития времен Киевской Руси, необходимо постоянно иметь в виду эти летописные свидетельства, которые однозначно указывают на то, что многое в ее этнической истории определилось еще на предгосударственной стадии жизни восточных славян. «Племена» «Повести временных лет» — это не небольшие племенные коллективы, а крупные объединения, союзы племен, занимавшие значительные территории и имевшие относительно высокий уровень этнической общности. В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбаков и другие историки видели в «полянах», «древлянах», «северянах» и другие своеобразные конфедерации княжений, в которых уже заметны институты политической власти.

Об этом достаточно отчетливо говорится в летописи. В сюжете, специально посвященном полянам, летописец отметил, что во главе их стоял князь Кий, который «княжаше в родѣ своемъ». После смерти Кия, Щека и Хорива Полянский союз не распался, но продолжал управляться их наследниками: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене в поляхъ»⁵. Из продолжения летописного рассказа следует, что аналогичной была система власти также и в других «племенах»: «А в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»⁶. Князьями радимичей и вятичей выступают Радим и Вятко. Несмотря на определенную фольклорность названных персонажей, их появление на страницах летописи, несомненно, отражает реалии социальной организации восточных славян предгосударственного периода⁷.

Процессы региональной консолидации восточных славян, протекавшие в условиях постоянной военной опасности со стороны иноплеменников, вызвали в третьей четверти I тыс. н. э. новую форму поселений. В летописи они именуется «градами». Говоря о полянских братьях, летописец отмечает, что местом их правления был Киев, который они же и основали: «И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киев»⁸. Словене «сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ»⁹. Из рассказа об уличах узнаем, что сидели они по Днепру до самого моря «и суть гради их и до сего дне»¹⁰. Летопись не раскрывает, что представляли собой эти первичные восточнославянские «грады», но можно думать, что они являлись административно-политическими средоточиями союзов племен. Археологически они выявлены практически на всей территории расселения восточных славян. Это городища в Киеве, Чернигове, Пскове, Изборске, под Новгородом (так называемый Рюриков городок), в селах Зимно (Волинская обл.), Пастырское (Черкасская обл.), Битица (Сумская обл.), Хотомель (Брестская обл.), Колочин (Гомельская обл.), Тушемля (Смоленская обл.) и др. Разумеется, не все

они одновременны, но все существовали в предгосударственную эпоху, а некоторые и положили начало древнейшим городам¹¹.

Объективности ради следует сказать, что летописец наряду с подчеркиванием языкового единства восточных славян отмечает и их различия. Прежде всего в образе жизни, в обычаях, преданьях, нравах: «Имяху бо обычаи свои, и законъ оцель своих и преданья, каждо свой нравъ»¹². Можно отнести это утверждение на счет местного патриотизма летописца, потомка древних полян, считавшего только их смысленными и кроткими, имевшими «стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ»¹³. Древляне, северяне, радимичи и вятичи «один обычай имяху: живяху в лѣсѣ, яко же и всякий звѣрь»¹⁴. Однако, при всей предвзятости этих характеристик, основания для утверждения племенных различий у летописца все-таки были.

Находят они подтверждение, хотя и не в таких разительных формах, и в археологических исследованиях восточнославянских памятников VI–VIII вв. При общей близости материальной культуры на всей территории расселения восточных славян заметны и региональные ее особенности. Первым обратил внимание на это А. А. Спицин, полагавший, что основными этноопределяющими признаками той или иной области является обряд погребения, типы погребального инвентаря, украшений и прежде всего височных колец¹⁵. С некоторыми оговорками эти признаки представляются этноопределяющими и в наше время. Именно они легли в основу весьма продуктивной попытки В. В. Седова очертить территорию каждого летописного «племени»¹⁶.

Имея летописные историко-географические ориентиры, задача эта не кажется непосильной. Однако без них, посредством только данных археологии определить совокупность специфических проявлений культуры того или иного «племени» намного сложнее.

Особенные трудности возникают при поиске этноопределяющих черт материальной культуры полян. И. П. Русанова считала характерной полянской чертой курганы с ямным обрядом погребений и на этом основании включала в территорию расселения полян даже черниговское Подесенье¹⁷. В действительности единство погребального обряда, как и других элементов материальной культуры в регионе между Киевом и Черниговом, определялось процессами политической консолидации. Именно здесь складывалась историческая Русская земля.

Аналогичные трудности возникают перед исследователями при определении археологической специфики ряда других регионов. Даже такой универсальный этноопределитель, как височные кольца, не всегда гарантирует правильность определения «племенной» принадлежности территории. На его основании очень сложно размежевать хорватов и тиверцев, волян и древлян, древлян и дреговичей.

Более четко этнографические особенности выступают в пределах больших регионов, охватывающих территорию расселения нескольких «племен». На этом основании исследователи выделили несколько археологических культур. В пределах нынешней Украины это Пеньковская культура, простирающаяся в лесостепном поясе от Дона до Днестра, Пражско-Корчакская, оставленная ее носителями в пределах украинского правобережного Полесья, а также Колочинская, охватывающая бассейны Десны и Сейма, датирующиеся V–VII вв. На следующем этапе

предгосударственного развития славян, в VIII–IX вв., правобережные культуры эволюционируют в культуру Лука-Райковецкую, а на Левобережье образуется Во-лынцевско-Роменская культура¹⁸.

К северу от ареалов южных культур были распространены памятники типа Тушемли — Колочина, покрывавшие большие территории Верхнего Поднепровья, Витебско-Полоцкой части Западнодвинского бассейна и датирующиеся VI–VII вв. В VIII–IX вв. в этом регионе, а также в бассейнах рек Великой, Ловати и Мсты бытует культура длинных курганов с обрядом сожжения на стороне. Она связывается с летописными кривичами. Культура эта, с одной стороны, обнаруживает определенные региональные отличия, позволяющие отличать смоленско-полоцких кривичей от псковских, а с другой — в южном пограничье ее памятники бытуют вперемешку с радимичскими курганными древностями. На востоке, в левобережье верховьев Десны, кривичские погребения встречаются вместе с вятичскими на одних могильниках¹⁹. В бассейне озера Ильмень, рек Луги, Мологи, частично Западной Двины и Великой известна культура новгородских сопков, а также круглых курганов с обрядами захоронений — сожжениями и труположениями, оставленная новгородскими словенами²⁰.

В бассейне Оки, где, по летописи, проживали вятичи, известны памятники, характеризующиеся семилопастными височными кольцами, а также курганными могильниками с обрядом трупосожжений. Обнаруженные в них глиняные урны датируются VIII–X вв. Исследователи отмечали близость верхнеокской керамики к роменской и на этом основании делали вывод о продвижении восточных славян в самом начале VIII в. на территорию проживания голядских племен²¹.

В бассейне левого притока Днепра реки Сож, где летописец помещает радимичей, известна археологическая культура, характеризующаяся курганным типом погребений, совершенных по обряду трупосожжения на месте, наличием среди погребального инвентаря семилучевых височных колец. Исследованиями Б.А. Рыбакова, Г.Ф. Соловьевой и другими установлено, что радимичские древности в Посожье появились только в IX в.²²

В целом огромный восточнославянский массив имеет региональные культурные различия, однако не такие, которые бы не позволяли говорить об его общности. В свое время И.И. Ляпушкин, исследовавший славянские памятники Левобережья Днепра, пришел к выводу о единстве славянской культуры VIII–IX вв. Восточной Европы²³. Действительно, на всем пространстве расселения южной и юго-западной групп восточных славян в их культуре наблюдается много общих черт. Это обряд сожжения, углубленные жилища (срубные и каркасно-столбовые), печи-каменки, конусовидные и округлобокие горшки и др. Т.Н. Никольская отмечала большую близость керамики вятичских поселений к керамике Среднего Поднепровья и бассейна Десны²⁴. Исследованные во вятичских курганах оградки-частоклы известны на широкой территории от бассейна Припяти до Суздальско-Залесского края²⁵.

Определяя племенную принадлежность населения, оставившего памятники роменского и боршевского типов Днепровского Левобережья, а также бассейна Дона и Оки, В.В. Седов считал возможным связывать их с северянами, неизвестной по имени славянской группой племен Донского бассейна, а также вятичами²⁶. По мнению И.И. Ляпушкина, роменско-боршевские древности в целом близки

к древностям типа Лука-Райковецкой, что, по-видимому, указывает на проникновение славян в область Левобережья Днепра около VIII в. из западных (правобережных) районов²⁷.

Еще большим единством отличаются славянские памятники юго-западной группы восточных славян, что согласно отметили А.А. Спицин, Е.И. Тимофеев и др.²⁸ По мнению В.В. Седова, древляне, воляняне, поляне и дреговичи в третьей четверти I тысячелетия н.э. составляли близкую племенную группу славянства, поэтому они и позже имели однотипные украшения²⁹.

Вряд ли только можно согласиться с тем, что все эти «племена» некогда составляли единый Дулебский союз. Следуя буквальному смыслу летописного сообщения, есть основания утверждать, что дулебов на каком-то этапе истории сменили в западном Побужье воляняне: «Дулебы живяху по Бугу, гдѣ ныне велиняне»³⁰. Причиной этому, судя по той же летописи, были авары, разгромившие дулебский союз, который возродился затем уже под другим названием, происшедшим, по-видимому, от города Волина. Древляне, поляне и дреговичи, несомненно, представляли отдельные союзы племен.

Памятники, выявленные в пределах расселения летописных дреговичей, по ряду признаков (лепная керамика, курганные могильники с погребениями, исполненными по обряду сожжения, погребальные урны) близки к памятникам культуры Корчак и сменившей ее Лука-Райковецкой. Хронология курганных древностей свидетельствует о расселении дреговичей по направлению с юга на север. Наиболее ранние памятники зафиксированы на правобережье Припяти. В IX–X вв. они распространились в левобережье Припяти, а также в Верхнем Понеманье и Побужье, где выявлены памятники с керамикой типа Лука-Райковецкой, датирующиеся VIII–IX вв.³¹ Специфически дреговичским элементом культуры, который и позволил очертить их ареал, согласно ряду исследователей, являются крупнозернистые бусы³². На востоке они известны в Поднепровском правобережном регионе, на севере — в водоразделе Западной Двины и Днепра.

Практически по всему периметру распространения дреговичских древностей они соседствуют (часто вперемешку) с древностями сопредельных регионов. На севере дреговичи смешались с кривичами и, возможно, с радимичами, о чем свидетельствуют материалы могильников Рогачевского района Могилевской области, исследованные близ сел Кордон, Гадиловичи и Веточки Г.Ф. Соловьевой³³. На юге зафиксировано проникновение дреговичских древностей на древлянские земли. В междуречье Днепра и Припяти отмечено значительное число погребений в подкурганных ямах, что считается этнографической особенностью полян³⁴.

На территории распространения Пеньковской археологической культуры, оставленной, как полагают многие исследователи, антами, летопись локализует три позднейших союза племен — хорватов, тиверцев и уличей. Археологические исследования памятников Верхнего Поднепровья, Северной Буковины и Закарпатья, которые, как считали Б.А. Тимошук, С.И. Пеняк и другие, оставлены летописными хорватами, показали, что по характеру материальной культуры они практически неотличимы от соседних. Это же относится и к предполагаемым древностям тиверцев, которые определяются по территориальным, а не по этнографическим признакам³⁵. Их памятники находятся в Поднепровье, а также в междуречье Днестра и среднего течения Южного Буга.

После исследований Д. Т. Березовца, П. И. Хавлюка, А. Т. Смиленко славянские памятники VIII–IX вв. стали известны на Нижнем Днепре, в бассейне Южного Буга, а также в Нижнедунайском регионе, которые, вероятно, оставлены летописными уличами. В культурном отношении они практически тождественны памятникам типа Лука-Райковецкой³⁶.

В целом восточные славяне предгосударственного периода пребывали приблизительно на одинаковом уровне своего развития, причем не только культурного, но социально-политического и экономического. Возможно, только их южный регион несколько опережал в этом другие. Археологические исследования показывают, что здесь высокого уровня достигли земледелие и ремесло. На многих поселениях VI–VIII вв. обнаружены совершенные и продуктивные широколопастные наральники и чересла, свидетельствующие о плужном земледелии, а также косы-горбуши, серпы и другие сельскохозяйственные орудия. Можно предполагать, что уже в предгосударственный период сельскохозяйственное производство не только обеспечивало население необходимым продуктом, но и создавало какую-то часть дополнительного условия его политической консолидации.

Широкий и достаточно совершенный ассортимент сельскохозяйственных орудий указывает на значительный прогресс в ремесленном производстве славян. Выявлены центры железорудной добычи (Гайворон, Гочево, Григоровка), а также кузнечные (Зимно, Пастырское и др.). Структурный анализ изделий показывает, что качественный скачок в обработке железа приходится на VII–VIII вв.³⁷

Есть основания полагать, что уже в это время восточные славяне постепенно втягиваются в систему международных торговых связей. В пользу этого свидетельствуют так называемые клады антов (или русов), содержащие драгоценные изделия иранских и византийских мастеров, а также находки монет. Византийские встречи преимущественно на юге восточнославянского мира, арабские — практически повсеместно, хотя наибольшая их концентрация наблюдается в Днепро-Донском регионе.

Достаточно близкий облик материальной культуры восточнославянских памятников предгосударственного периода, разумеется, не исключает их региональных отличий, зависевших в значительной мере от географических условий жизни летописных «племен», а также от влияний соседних народов. Последние в ряде случаев оказывались весьма существенным этнокультурным компонентом формировавшихся восточнославянских союзов племен. Некоторые из них даже названием своим обязаны неславянским (или западнославянским) предшественникам.

К таким относятся северяне, получившие свое название от иранского этнонима *seu*, что значит «черный»³⁸. Наблюдения над распространением иранских гидронимов и памятников вольтинцевского типа показывают их практически полное территориальное совпадение. Принимая во внимание, что многое в вольтинцевской культуре родственно салтовским древностям, исследователи пришли к обоснованному выводу об участии в ее формировании алано-болгарского населения. Подтверждают его и антропологические исследования. По мнению В. П. Алексева, черепа славян Днепровского Левобережья имеют родственные черты с черепами, обнаруженными в Салтовском могильнике³⁹. Видимо, прав В. В. Седов, полагав-

ший, что северами первоначально именовалась племенная группа ираноязычного населения, обитавшая в Днепровском лесостепном Левобережье и растворившаяся впоследствии в славянском этносе⁴⁰. Не исключено, что упоминаемые в документах XVI–XVII вв. северуки Посеймия являлись реликтовой группой — потомками еще дославянских север, но, разумеется, сохранили только свое древнее название. Примечательно, что в этом регионе известно несколько названий, происходящих от иранского *seu* — Сев, Сава, Севск⁴¹.

Названия юго-западных летописных «племен» также указывают на их восточнославянское происхождение. Хорваты, по мнению ряда исследователей, получили свое этническое имя еще в период существования Антского союза посредством ассимиляции ираноязычного населения славянами⁴². Да и не были хорваты только восточнославянским народом. Территорией их обитания являлось Прикарпатье, входящее ныне своими частями в Украину, Польшу, Словакию и Венгрию. Как считал Х. Ловмянский, хорватский союз в Прикарпатье существовал до начала IX в. и охватывал всю Малую Польшу и верхнеднепровские земли⁴³. Под давлением авар, хорваты, точнее какая-то их часть, переселились на Балканы. «Повесть временных лет» называет их «белыми хорватами». Западные хорваты, по-видимому, растворились в среде висян, лендзян и других польских племен. Восточные — постепенно интегрировались в состав Киевского государства, хотя и не без сопротивления. Свидетельством этому, возможно, является летописное известие о походе Владимира Святославича в 992 г. на хорватов. «Иде Володимиръ на Хорваты»⁴⁴.

Этноним тиверцы, как полагали А. А. Шахматов, М. Фасмер и другие, произведен от античного названия Днестра — Тирас и появился еще в пору славянско-сарматских контактов⁴⁵. В летописи тиверцы названы толковинами: «Тиверци, яже соуть толковины». А. А. Шахматов, В. М. Истрин и другие объясняли этот термин как производный от глагольной формы «толковать», то есть переводить. Таким образом, тиверцы в представлении русских летописцев были переводчиками. В «Слове о полку Игореве» говорится о «поганных толковинах», в которых исследователи видят иноплеменников, в данном случае половцев, знавших русский язык. На основании этой фразы А. И. Соболевский высказал предположение, что тиверцы были тюркским племенем, возможно, печенежской группы, оказавшимся под властью Руси в X в. Этноним тиверцы он выводил от тюркского слова *tiv-ar*, которое означает «переводчик». По мнению А. С. Стрижака, летописное слово «толковины» в основе своей имеет древнерусское «тълкъ» — «переводчик», что, впрочем, не объясняет аналогичным образом и происхождение слова «тиверцы»⁴⁶.

Практически никто из исследователей не сомневался в том, что, проживая в регионе контактов различных языков, тиверцы, наверное, знали греческий язык и благодаря этому были привлечены русскими князьями Олегом и Игорем для походов на греков.

Название улицы по происхождению как будто славянское: от *улучье* — изгиб, но, по предположению О. Н. Трубачева, отражает тюркскую его передачу⁴⁷. Связано это с длительным соседством улочек с тюрками — кочевниками. Еще раньше близкие мысли высказывал М. К. Любавский, полагавший, что тюрки-кочевники даже смешивались с уличами⁴⁸. Это могло иметь место как в печенежское время, так и в предшествующее.

Дреговичи по характеру материальной культуры в южном регионе близки к древлянам, воляныям и даже полянам, в северном — имеют много элементов культуры литовских и латышских племен. Эти две зоны дреговичского этнокультурного ареала выделяются и по данным антропологии. Севернее Припяти население имеет признаки валдайского антропологического типа, характерные для древних балтов, южнее — принадлежит к полесскому типу⁴⁹. На западе, в бассейне Буга, дреговичи непосредственно соседствовали с мазовшанами, на востоке — с радимичами. В обоих регионах прослеживается взаимная инфильтрация населения.

Меньше всего подозрений относительно этнической чистоты вызывают воляныяне, ранее входившие в дулебский межплеменной союз и называвшиеся бужанами. На их территории исследованы памятники, которые дали название двум этапам восточнославянской культуры — Корчакскому и Лука-Райковецкому. Их территория определяется пределами позднейшей Волинской земли. На западе воляныяне соседствовали с западнославянскими племенами — лендзянами и в этническом пограничье проживали вперемешку с ними. Как считает польский историк М. Парчевский, лендзяне могли проживать в бассейне Сана, Западного Буга и в верховье Днестра⁵⁰. Но эти же районы являлись и местами обитания воляныян. В VIII–IX вв. граница между ними не была четко определенной, что в эпоху государственного развития нередко порождало межгосударственные споры. Впрочем, и межземельные тоже. Известно, как русские князья не могли поделить, например, Берестейщину. Изначально она принадлежала дреговичскому племени, но затем подверглась колонизации со стороны воляныян.

Кроме западных славян, воляныяне имели еще и неславянских соседей. В большей мере это относится к территории Берестейщины, соседями которой были племена ятвягов. Анализ гидронимии этого региона позволил исследователям прийти к выводу, что первоначально в нем обитало балтское население, а восточные славяне появились здесь не ранее VII в.

Кривичский союз племен, отождествляемый с археологической культурой длинных курганов, территориально равен трем древнерусским землям — Полоцкой, Смоленской и Псковской. Исходя из летописного сообщения о расселении славян, помещенного в недатированной части «Повести временных лет», можно сделать вывод, что кривичи родственны полочанам. Рассказав о местонахождении полочан на реке Полоте, летописец пишет: «От них же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ»⁵¹. Как бы продолжая рассказ о происхождении восточнославянских племен, летописец уже в статье 862 г. уточняет, что первыми поселенцами Полоцка были кривичи: «А перьвии насельници... въ Полотьски кривичи»⁵².

На предгосударственном этапе развития кривичи, несомненно, имели вполне восточнославянский этнокультурный облик. В. В. Седов, обративший внимание на то, что латыши до сих пор называют русских термином, производным от существительного «кривичи» (*krievs*), высказал предположение о соседстве кривичей с латышскими племенами этого времени⁵³. Не исключено, однако, что речь должна идти не только о соседстве, но и о совместном проживании на одной территории славян и балтов. Раскопки могильников культуры длинных курганов постоянно обнаруживают вещи восточнобалтского облика. На этом основании некоторые исследователи считали возможным даже говорить, что культура длинных

курганов оставлена не славянским, а финноязычным населением⁵⁴. Ни обряд погребения (кремация умерших на стороне), ни керамический комплекс, носящий отчетливые пражско-корчакские черты, как полагает В. В. Седов, не дают для такого вывода никаких оснований. Вероятнее предположить, что формирование кривичского союза происходило в условиях заселения славянами территорий, на которых проживало местное балтское и финноязычное население.

Не все однозначно и с происхождением кривичской группы славян. Господствовавшая в науке точка зрения о заселении Верхнего Поднепровья и Полоцко-Витебского Подвинья из Среднего Поднепровья в последнее время подверглась кардинальному пересмотру. Данные анализа этнонимии, а также языка восточнославянских племен северо-запада Руси позволили исследователям сделать вывод об их родстве с западнославянским миром. «Предки носителей псковских и соседних с ними говоров, — отмечал Ф. П. Филин, — были непосредственными соседями предков западных славян»⁵⁵.

Наверное, с предложенными лингвистическими аргументами следует согласиться. Проникновение западных славян в районы Псковского озера и реки Великой, а также Ладожского озера, бассейна Волхова и озера Ильмень засвидетельствовано и археологически, в частности распространением керамики так называемого балтийского облика. И тем не менее у нас нет достаточных оснований для отказа и от южного пути расселения славян на север. Видимо, на севере Руси в VIII–IX вв. встретились два колонизационных потока — южновосточнославянский и западнославянский.

Говоря о радимичах и вятичах, летописец уточняет, что они «от ляховъ». Первые, «пришедъша сѣдоста... на Съю», вторые — «сѣде... по Оцѣ». Вряд ли следует понимать буквально выражение «от ляховъ». Скорее всего, оно свидетельствует о том, что на свои новые места обитания названные «племена» передвинулись из каких-то западных территорий, соседивших с польскими племенами. В. В. Седов, исходя из того, что по ряду признаков древности вятичей сопоставимы с синхронными культурами более южных областей Восточной Европы — Роменской и Лука-Райковецкой, полагает, что исходным местом этой группы славян были юго-западные земли восточнославянского мира⁵⁶.

Вятичи расселились, как об этом свидетельствует и летопись, в регионе, где проживали финно-угорские племена меря, мурома, мордва и др. В VIII–IX вв. в связи со смешением славянского и финно-угорского населения в регионе происходили ассимиляционные процессы на преобладающей славянской основе. В пользу этого говорит формирование здесь культуры, в целом очень близкой к культуре других восточнославянских областей. Процессы ославянивания местного населения имели длительный характер и в VIII–IX вв. охватывали собой, вероятно, только бассейн верхнего течения Оки.

Отсутствие культурной преемственности курганных древностей IX–X вв. в Посожье подтверждает слова летописца о пришлом характере его обитателей этого времени. До сих пор остается загадкой, откуда пришли радимичи. А. А. Шахматов, доверявший летописному известию, пытался обосновать его ссылками на то, что в современном белорусском языке имеется много польских слов⁵⁷. Е. Ф. Карский и другие исследователи пришли к выводу об автономном развитии тех элементов языка, которые будто бы позаимствованы из польского⁵⁸. Г. Ф. Со-

ловьева и В. В. Седов на основании сходства гидронимов Посожья с речными названиями Верхнего Поднестровья высказали предположение, что, возможно, этот небольшой регион и был прежним местом обитания радимичей⁵⁹. Независимо от происхождения можно предположить, что радимичи предгосударственного периода не отличались исключительно восточнославянской этнической породой, хотя культурно-исторически, несомненно, принадлежали к этой славянской группе.

Подводя краткий итог обзору этнической ситуации в среде восточных славян на этапе их предгосударственного развития, следует иметь в виду, что практически ни в одном регионе она не была стерильно чистой. Кроме восточных славян участниками этногенетических процессов на огромных восточнославянских пространствах были ирано- и тюркоязычные племена в южном и юго-западном регионах, западные славяне, балты и финны — в западном и северо-западном, финно-угры — в северном и северо-восточном. В одних случаях речь может идти о более ранних субстратных иноэтничных компонентах, которые к VIII–IX вв. уже в значительной мере растворились в массе восточнославянского населения. В других — об ассимиляционных процессах предгосударственного и раннего государственного периодов на восточнославянской этнической основе.

В культурном отношении абсолютное преобладание получает восточнославянский компонент, причем не только на региональном уровне, но и на восточноевропейском. Археологически это достаточно четко прослеживается на материальной культуре, которая развивалась по пути сложения единых или близких форм на всем восточнославянском пространстве. Видимо, то же самое можно говорить и о языке этого пространства, который был славянским и общим для всех летописных «племен». Не случайно, именно он послужил тем основным признаком, который позволил летописцу очертить восточнославянскую общность предгосударственного периода и отличить ее от иноязычных соседей.

Ни на региональном, ни на общевосточнославянском уровне этноконсолидационные процессы этого времени не обрели четких и завершенных форм. Летописные «племена» не представляли собой вполне определившихся этнотерриториальных и социальных образований. Этого нельзя сказать даже о группах племен, культурные особенности которых были едва различимы, а границы достаточно размытыми и подвижными. В этот период еще продолжались процессы расселения восточных славян, причем не только на новые земли, занятые иноэтничным населением, но и в пределах уже освоенных территорий.

Если бы мы попытались представить этническую картину восточнославянского мира накануне образования у них государства как сложившуюся основу трех нынешних народов — украинского, русского и белорусского, как это имеет место в некоторых (особенно украинских) исследованиях, ничего реалистичного у нас бы не получилось.

На территории, где сформировался украинский народ, в VII–IX вв. было фактически три группы племен, разных по своим субстратным компонентам, и какую из них следует считать праукраинской, сказать сложно. То же самое относится и к летописным «племенам» территорий нынешних России и Беларуси. К тому же практически ни одно «племя» не вписывается в позднейшую этнотерриториальную структуру.

Северяне уже к VIII в. расселились вплоть до Дона и верховьев Оки. Древляне и воляняне занимали также земли, которые ныне принадлежат Белоруссии и Польше. В свою очередь, дреговичи обитали и в украинском Припятском Правобережье, а кривичи — не только на белорусской Полотчине, но и российских Смоленщине и Псковщине. Племена радимичи и вятичи вообще пришли на новые территории только в VIII или IX в. Как полагает летописец, они родственны по происхождению, но первые поселились на землях, которые впоследствии стали территорией Белоруссии, а вторые — на землях, где сформировалось ядро Русского государства.

Вообще, не будь в жизни восточных славян общего исторического этапа, представленного единым государством, исследователям пришлось бы говорить об «украинских» и «русских» северянах, «украинских» и «белорусских» дреговичах, древлянах и волянянах, «белорусских» и «русских» кривичах. Но такой этап у них был, причем длительный, почти 400-летний, и, разумеется, без учета этнокультурной и этнополитической интеграции восточных славян в условиях существования государства с центром в Киеве их последующее этнокультурное развитие останется непонятым.

§ 2. РУСЬ — РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Следующий этап этнической и политической консолидации восточных славян связывается с раннегосударственным образованием, которое сложилось в Среднем Поднепровье в конце VIII — начале IX в. и являлось непосредственным предшественником Киевского государства. Характерной особенностью этой новой политической структуры было то, что оно обрело название, неизвестное в восточнославянской среде, причем термин «Русь» изначально был и этнонимом и политонимом.

Единого взгляда на его происхождение нет до сих пор. Определились три основные: южный, согласно которому этноним «русь» имеет в Поднепровье местные корни; северный, утверждающий скандинавское его происхождение; и социальный, видевший в ранней «руси» купеческо-дружинную верхушку восточнославянского общества, при этом не обязательно этнически родственную ему.

Остается спорным и вопрос о местоположении изначальной Руси, или так называемого Русского каганата. Известия арабских авторов IX в. о стране Русов, царя которых зовут «хакан русов», не находят среди исследователей единодушного толкования. О. Прицаку казалось, что Русский каганат, являвшийся политическим предшественником Киевской Руси, располагался в междуречье Волги, Трубежа и Которосли⁶⁰. Д. А. Мачинский, А. Н. Кирпичников, К. Цукерман убеждены, что он находился в Волховско-Ильменском бассейне, а его столицей была Ладога⁶¹. Б. А. Рыбаков, Х. Ловмянский, П. П. Толочко, В. В. Седов и другие обосновывали среднеднепровское местоположение изначальной Руси⁶².

Судя по летописи, новое название восточные славяне обрели около середины IX в. Первое датированное известие о нем содержится в статье 852 г. «Въ лѣто 6360... наченшю Михаилу (византийский император. — П. Т.) царствовати, нача ся прозывати Руская земля». Сведения об этом, по уверению летописца, почерпнуты им в «летописаньи гречѣстѣм»⁶³. В действительности Михаил III начал цар-

ствовать в 842 г., но это хронологическое несоответствие, на котором спекулируют иногда исследователи, не имеет принципиального значения для определения начала употребления названия «Русская земля». Смысл летописного свидетельства в том, что это пришлось на время правления названного императора.

Значительный интерес в данном отношении представляет «Житие Георгия Амастридского», сочиненное диаконом Игнатием до 842 г., в котором говорится о нашествии росов: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого». Как полагал О. Н. Трубачев, этот термин византийского памятника является архаизмом, будучи идентичным названию народа роус — рос, жившего в VI в. на Азовском побережье⁶⁴. К началу X в. термины «Русская земля» и «Русь» были широко употребляемы как официальные наименования страны и ее народа. Правда, не в тех пределах, в которых они станут известны в конце X — начале XI в., а в тех, которые были подвластны первым киевским князьям. Это преимущественно земли вдоль торгового пути «из варяг в греки».

В пользу более широкого содержания термина «русь», чем только относящегося к Среднему Поднепровью, свидетельствуют договоры Руси с греками. Русью в них одинаково названы народ и страна: «Аще ключиться близъ земля Грецкаа тако же проказа лодьи русской, да проводимъ ю в Рускую земля»⁶⁵. Об ее объеме, возможно, говорит фраза договора 907 г. об укладах на русские города, где названы Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч. Что касается этнического содержания термина «русь», то, согласно договору 911 г., это не только киевские послы или купцы, но и все другие обитатели Русской земли. В одной из статей упоминается «челядинъ русский»: «Аще украден будетъ челядинъ русский, или ускочить, или по нужи продан будетъ, и жаловати начнут Руси, да покажетъ ся таковое о челядине и да поимуть и в Русь»⁶⁶.

Еще определеннее указывает на широкое содержание термина «русь» договор от 944 г.: «Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще суть плъньници, да искупають е (их. — П. Т.) русь по 10 злотникъ»⁶⁷. В клятвенных статьях на верность договору названы «все люди от страны Руския» и просто «люди руские»: «Аще ли кто от князь или от людей русских, ли хрестьянь, или не хрестьянь, преступить се, еже есть писано на харатъи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети и да будетъ клять от Бога и от Перуна»⁶⁸.

Как видим, в русско-византийских договорах термин «русь» имеет уже достаточно широкое понятийное содержание. Это страна Русь (Русская земля), послы, купцы и люди русские, род русский, князь русский. Нет сомнения, что вся эта терминология взята из живой русской действительности первой половины X в. И нет в договорах и малейшего намека на то, что «Русь» имеет хоть какое-то отношение к варягам.

Главным основанием для вывода о том, что название «русь» происходит от варягов, является статья 862 г. «Повести временных лет». Не будь ее, не было бы и теории о норманнском происхождении русов. Удивительно, что исследователи, в других случаях очень скептически относящиеся к летописным свидетельствам, по поводу содержания этой статьи никаких сомнений не высказывают. А между тем она настолько внутренне противоречивая, что, основываясь только на ее свидетельствах, можно прийти к двум противоположным выводам. В ней русы выступают и теми, кого приглашают, и теми, кто приглашает. «И идоша за море къ

Варягомъ, к Руси. «Рѣша Русь, Чюдь и Словѣны, и Кривичи, и Все: «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами. И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю Русь»⁶⁹.

Здесь непонятно, о какой Руси идет речь. То ли о той, которая приглашала братьев, то ли о какой-то другой, которую приглашали. Уточнение «всю» скорее указывает на Русь приглашающую, ибо трудно предположить, что братья взяли с собой к славянам всю скандинавскую русь, если такая существовала⁷⁰. Из приведенного здесь же перечня скандинавских народов следует, что места в нем для руси нет. «Сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовуться Свее, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте»⁷¹. Как видим, летопись, сбивчиво говоря о варяжских русах, ни с одним из скандинавских народов их не отождествляет. Наоборот, сообщает, что относительно руси все они — другие народы. Но тогда возникает вопрос, а где же жили эти загадочные варяго-русы?

Как полагает В. Я. Петрухин, в «Повести временных лет» начало Русской земли описано дважды, в чем он видит ее зависимость от библейской традиции. Первый раз в статье 852 г., второй — в статье 862 г. Вряд ли древний летописец был столь сведущ в библейских литературных приемах, как нынешний историограф, и сознательно прибег к двукратному повтору в своем описании. При внимательном прочтении названных статей оказывается, что здесь и повторов-то нет. Ни литературных, ни смысловых. В первой статье он сообщил, что начало Русской земли совпало по времени с началом царствования византийского императора Михаила III: «Наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля». Во второй — объяснил происхождение этой самой Руси: «И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля»⁷².

Более того, в летописи есть еще и третье обращение летописца к теме происхождения руси. Оно в статье 898 г. Правда, в такой же мере противоречивое, как и то, что в статье 862 г. «А словенский языкъ и русский одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене»⁷³. Исследователи, отстаивавшие норманнство руси, как правило, ссылаются на вторую часть фразы — «отъ варягъ бо прозвашася Русью» и не обращают внимания на первую, в которой говорится о языковом единстве славян и русов. Между тем они находятся в явном противоречии между собой. Причем содержательно более значимым является первое утверждение. Ибо если о происхождении названия летописец мог точно и не знать, то о языковом тождестве восточных славян и русов знал определенно. С приходом загадочных «варяго-русов» к восточным славянам никакого другого языка у них не появилось.

Как видим, летописные известия «Повести временных лет», впрочем, как и Новгородской первой летописи, которым отдельные исследователи отдают предпочтение, не содержат однозначных ответов на вопрос о происхождении Руси, как это представляется В. Я. Петрухину⁷⁴. В Новгородской первой летописи, в частности, утверждается, что не только Русь получила свое название от варягов, но сами новгородцы были варягами. «И от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и от тѣхъ словет Руская земля; и суть Новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска»⁷⁵.

И как нам быть с этим противоречивым свидетельством? Принимать его целиком или только ту его часть, которая вписывается в представление нынешнего исследователя? Чаще всего это и происходит. А ведь следует обратить внимание еще и на фразу о призвании варягов. В отличие от «Повести временных лет»,

в Новгородской первой летописи нет уточнения, что они были русами. «Идоша (словене, кривичи, меря и чудь. — П. Т.) за море к Варягомъ и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту, да поидѣте к намъ княжить и владѣте нами»⁷⁶.

Среди иностранных источников, которые якобы свидетельствуют о северном происхождении термина «русь», по мнению некоторых историков, Бертинская хроника епископа Пруденция, рассказывающая о посольстве русов 838–839 гг. В Константинополе послы представились представителями народа «рос» (rōs) и посланниками хакана (сѣасанус). В столице Франкского королевства Ингельгейме, где их принимал Людовик Благочестивый и подозревал в шпионстве, назвались не русами, а свеонами (шведами). Вот это признание будто бы и является неопровержимым свидетельством северного происхождения русов. В действительности вывод здесь может быть скорее противоположный. От тождества свеонов и русов отказались сами послы. Они не были этническими русами, а только находились у них на службе. Ведь и в Константинополе послы не назвали себя русами, но утверждали только, что являются их представителями⁷⁷.

Такое толкование сообщения «Бертинских анналов», имеющее длительную историографическую традицию, недавно было подвергнуто критике А. В. Назаренко. По его мнению, оно не только неправомерное, но и порочно методически, поскольку продиктовано априорным нежеланием признать ведущую или хотя бы активную роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности Руси⁷⁸. Другими словами, перечисленные им историки С. Гедеонов, А. Сахаров, И. Шаскольский, М. Свердлов и другие не хотели видеть в кагане русов скандинава исключительно из патриотических предубеждений.

Не думаю, что А. В. Назаренко прав в своем подозрении о побудительных мотивах историков, отделявших этничность послов от их политической принадлежности. А почему не допустить, что исходили они из того, что в таком объяснении ничего необычного нет, имея в виду дипломатическую практику Руси времен Олега и Игоря⁷⁹. В состав их посольств в Константинополь также входили варяги (в Олегово исключительно они, в Игореве преимущественно они), но их норманнская этничность никак не отрицала того непреложного факта, что были они посланниками русских князей и восточнославянского государства Русь. Об этом определенно говорится в русско-византийских договорах: «Мы отъ рода рускаго... иже послани отъ Олга, великого князя рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь» (911) и «Мы отъ рода рускаго съли и гостье (944)⁸⁰.

Если исходить из византийских письменных источников, то значительно больше оснований искать этноним «русь» и его носителей не на далеком севере, а на юге. В них росы, как правило, тождественны не норманнам, но скифам или тавроскифам. Никита Пафлагон в «Житии патриарха Игнатия» (885) описывая нападение на Константинополь 860 г., отмечает, что его осуществили «скифы, народ, называемый рос». В другом месте он указал и на местообитание этого народа. Это северные берега Понта Эвксинского. «В нее (Амастриду. — П. Т.) стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее»⁸¹. В «Житии св. Георгия Амастридского», описывающего нападение «варваров росов» на черноморское побережье Византии, говорится о том, что их свирепость «сохранилась от древнего таврического избиения чужестранцев».

В рассказе Константина Багрянородного о набегах росов на Константинополь также сказано, что это «скифское племя, необузданное и жестокое», опустошившее ромейские земли и сам Понт Эвксинский⁸². Патриарх Фотий, бывший свидетелем нападения на Константинополь 860 г., в своих поучениях и окружном послании говорит о нашествии руси, никак не уточняя, кто они.

В подробном описании военной кампании Святослава 871 г. на Балканах Льва Диакона его войско именуется то росами, то скифами и тавроскифами: «Был между скифами Икмор... первый после Сфендослава предводитель войска, которого скифы почитали по достоинству вторым среди них... Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение решать споры убийством и кровопролитием... Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов, хлеб получили только двадцать две тысячи»⁸³.

Подобная терминология по отношению к русским применялась византийскими авторами и позже. Иоанн Скилица отметил, что на переговорах Святослава с императором русский князь просил, «чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, безопасно приходить по торговым делам»⁸⁴. Михаил Пселл в «Хронографии» отмечал, что к императору Василию II «явился отряд отборных тавроскифских воинов», а в мятежном войске Исаака Комнина (1057) находились союзные ему «тавроскифы»⁸⁵.

Приведенные и другие подобные отождествления росов со скифами или тавроскифами, содержащиеся в византийских источниках, были бы совершенно невозможными, если бы эти росы являлись жителями скандинавского севера. К тому же греческие авторы всегда четко различали русов и варягов. Во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иноземных наемников в Византии, русы и варяги неизменно названы как различные этнические группы.

Не было сомнения в том, кого имели в виду греческие авторы под названием «скифы» и у русских летописцев. Перечислив все славянские племена, участвовавшие в походе Олега на греков, летописец подытожил, что «си вси звахуться отъ грекъ Великая скуфь»⁸⁶.

Не имея надежных письменных свидетельств о северном происхождении названия «Русь», историки, отечественные и зарубежные, прибегали к сомнительным филологическим аргументам. Наиболее убедительным, как им казалось, является термин Ruotsi, которым финны называли шведов. В действительности к происхождению слова «русь» этот финский термин прямого отношения не имеет. У самих шведов второго такого наименования не было. К ним приложено имя другого народа. Время появления слова Ruotsi установить невозможно. Скорее всего, оно вошло в обиход, как полагали В. А. Пархоменко, Х. Ловмянский и О. Н. Трубочев, уже когда скандинавы обрели этот политоним на юге, в Киеве⁸⁷.

К подобному выводу пришел также и М. И. Артамонов. Он считает, что финское название Ruotsi закрепилось за шведами только потому, что они связались с Русским (Росским) государством, коренное славянское население которого по имени своей земли стало называться «рос». Без этих славянских росов финское наименование шведов русью не привилось бы на Днепре так же, как оно не укоренилось в Новгородской земле. Норманны становились русью благодаря наличию Русского государства, через которое и из которого они выходили и в Византию, и на Восток⁸⁸.

Убедительным примером этому может быть свидетельство исландской саги о богатом крестьянине Гёскулде (Böskld), жившем в середине X в. В ней расска-

зывается о его встрече с неким купцом, который сидел возле своей торговой палатки в «русской» шапке на голове. Крестьянин спросил у купца его имя. Тот назвался Гилли, при этом уточнив, что многие лучше понимают, если они слышат и его прозвище: «русский». Как считал Г. Янкун, оно указывает на то, что этот купец вел торговлю с Русью⁸⁹. О русской шапке говорится в еще одной саге (Weise Njal). Ее главный герой Гуннар был богатым купцом и с десятью кораблями приплыл в Данию. Там он встретился с королем, подружился с ним и при расставании получил от него «русскую» шапку. Для Янкуна это убедительное свидетельство торговых связей между Хедебю и Русью⁹⁰.

Стоит ли доказывать, что прилагательные, образованные от слова «русь», не были бы для скандинавов столь экзотическими, если бы они сами являлись этой русью.

Известный польский историк Х. Ловмянский, которому принадлежит обстоятельное исследование данного вопроса, полагал, что в данном случае лингвистические разыскания вышли за пределы возможного. По мнению ученого, название «русь» первоначально имело географическое содержание и издавна обозначало Среднее Поднепровье. В процессе образования здесь государства стало его названием, а позже обрело также этническое и социальное значение. «Когда в Киеве появился градообразующий центр не только полян, но и северян, он получил название от территории, на которой жили оба эти племени, от Руси в географическом смысле»⁹¹.

Трудно согласовать с теорией «варяжской руси» и свидетельства арабских географов, на которые традиционно ссылаются ее сторонники. При этом, правда, больше объясняют, что имел в виду тот или иной автор, чем утверждают адекватность их свидетельств историческим реалиям. Большой интерес для выяснения происхождения русов имеют свидетельства IX — начала X в. Их не так много, как более поздних, но зато информация в них, можно предполагать, еще не осложнена знаниями, пусть и глухими, о Киевском государстве. Следовательно, есть гарантия того, что известия о славянах и русах в них относятся еще к догосударственному периоду их истории.

Первым, кто привел в своем сочинении название «русь», был среднеазиатский географ Муса аль-Хорезми. В «Книге картин земли», написанной в первой трети IX в., он называет реку Друс (Данапрос — Днепр), которая берет начало в горах Джабал-Рус, а также «землю славян» (al-Sacāliba).

Большой конкретностью обладают сведения персидского автора Ибн Хордодбеха, содержащиеся в его «Книге путей и стран», первая редакция которой, как считают востоковеды, увидела свет в 847–848 гг. В ней содержатся известия о стране славян (ас-Сакалиба), реке (Волге), которая течет из страны славян и впадает в море Джурджан (Каспийское), а также о купцах ар-рус. «Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин земли] славян к Румийскому морю. Владелец ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису-реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи. Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать»⁹².

При описании пути русских купцов (ар-розанийа) Хордодбех отмечает, во-первых, что они говорят, в том числе и по-славянски, а во-вторых, ходят также и в страну славян. Месторасположения ее Хордодбех не дает, но то, что из нее купцы попадают в город Хамлидж и далее в море Джурджан (Каспийское), свидетельствует о ее нахождении где-то в Волго-Донском междуречье. По мнению Т. М. Калининой, исходя из топографии находок восточных монет конца VIII — X в., земли восточных славян находились на Северском Донце и на Дону⁹³.

Как видим, Ибн Хордодбех определенно говорит, что купцы русы являются одной из разновидностей славян. Свои товары они собирают в стране славян, везут их по славянской реке Танаису-Дону на черноморские и каспийские рынки, пользуются переводческими услугами славянских слуг. Согласно А. Я. Гаркави, показания Хордодбеха о торговом пути славян и русов являются самостоятельными и превосходят все позднейшие свидетельства арабских авторов. Объясняя словосочетание «из отдаленнейших стран славян», он полагал, что здесь могут подразумеваться новгородские словене, кривичи, дреговичи и северяне, купцы которых отправлялись к Черному морю, а оттуда могли следовать и в Малую Азию. Второй маршрут проходил по Волге в хазарскую столицу Итиль и далее в Каспийское море⁹⁴. Примечательно, что у Хордодбеха, единственного из ранних арабских авторов, содержится славянское слово «князь»: «Царь славян [называется] кнадзь (кнадь)»⁹⁵.

Касательно утверждения, что русы являются племенем из славян (или одной из разновидностей славян), то оно, по существу, очень близко к утверждению русского летописца о том, что «словеньский языкъ и Рускый одно есть». Как утверждал один из крупнейших знатоков арабской историко-географической литературы Б. Н. Заходер, только особой предвзятостью можно объяснить факт непризнания за русами Ибн Хордодбеха русского, в подлинном смысле этого слова, происхождения⁹⁶.

Близкие сведения о славянах и русах содержатся также в «Книге стран» Ибн ал-Факиха (903), которая, по мнению историков-востоковедов, основана в значительной мере на труде Ибн Хордодбеха. «Что касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин [земель] славян — и приходят к Румийскому морю... или следуют от моря Славян в эту реку, которая называется рекой Славян, пока не достигнут пролива Хазар, и берет с них десятину властитель хазар»⁹⁷.

Чрезвычайный интерес для данной темы представляет рассказ арабского автора середины X в. ал-Масуди о Черном море, которое названо у него морем булгар и русов. В «Книге предупреждения и пересмотра» читаем: «Четвертое море — море Понт, это море булгар, русов и других народов»⁹⁸. Как тут не вспомнить содержательно близкое утверждение русского летописца, помещенное в недатированной части «Повести временных лет»: «А Днѣпръ втечетъ в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское»⁹⁹.

«Словеть» означает «называется» или «известно». Разумеется, летописец не мог знать свидетельства арабского автора, но оказывается, что на Руси то же самое представление о Черном море сохранилось в народной памяти. Это еще один аргумент в пользу южного происхождения народа рос-русь, ибо если бы его родиной был скандинавский север, тогда название «Руское» должно было получить Балтийское море.

В завершение обзора арабских известий о русах и славянах обратимся к свидетельству наиболее цитируемого арабского автора Ибн Фадлана. По мнению сторонников норманнского происхождения названия «русь», именно у него содержатся убедительные доказательства этому. Согласно Фадлану, прибывшие в Итиль (или Булгар) по торговым делам русы «имеют при себе неразлучно меч, нож и секиру; мечи же их суть широкие, волнообразные, клинки франкской работы... Каждая же их женщина имеет на груди прикрепленную коробочку из железа ли, из меди ли, из серебра либо из золота... Они приходят из своей страны и бросают якорь в Итиль, которая есть большая река и строят на ее берегу большие деревянные дома»¹⁰⁰.

Приведенное описание не оставляет сомнения в том, что в Итиль (или Булгар) прибыли варяжские купцы. В пользу этого свидетельствует также и рассказ Фадлана о похоронах знатного руса, осуществленных по обряду, характерному для норманнского севера.

Конкретное тождество русов и варягов здесь не может быть поставлено под сомнение. Но, как это ни покажется странным, оно ровным счетом ничего не говорит о происхождении этнонима «русь». События, описанные Фадланом, имели место около 922 г. К этому времени Русь с центром в Киеве уже заявила о себе миру походами на Константинополь и каспийские города, установила договорные отношения с Византией и Хазарией. Русами стали не только варяжские князья, но и все подданные Киевского государства. В том числе, по-видимому, и люди, прибывшие по торговым делам в Булгар или Итиль.

Логично предположить, что если бы русы были тождественны варягам, тогда это должно было найти свое отражение не только в статье 962 г., совершенно путаной и противоречивой, но и в других. Прежде всего, в статье 882 г., рассказывающей о походе Олега на юг. Казалось, летописец должен был сообщить о приходе в Киев русского князя или просто русов. Но в ней ничего этого нет. Летописец пишет: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣны, мерю, весь, кривичи»¹⁰¹. Овладев Киевом, он заявил: «Се буди мати градомъ русьскимъ». Дальше летописец уточнил, что с этого времени русской стала и пришедшая с ним дружина. «И быша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью»¹⁰².

Из последующих летописных известий можно сделать вывод, что это новое название меньше всего закрепилось за варягами. В походе Олега на греков 907 г. они названы своим прежним именем. Правда, в перечне участников похода нет еще и руси. Но вот в походе Игоря на Константинополь в 944 г. русь уже присутствует, но это вовсе не варяги, которые фигурируют под своим именем. «В лѣто 6452. Игорь же совокупивъ вои многи, варяги, русь и поляны, словѣни, и кривичи, и тивѣрцѣ, и печенѣги ная, и тали у нихъ поя, поиде на Греки»¹⁰³. Владимир Святославич, бежавший за море из-за опасения разделить судьбу брата Олега, погибшего в конфликте с Ярополком, возвращается в Новгород с варяжской помощью. «В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Новгороду»¹⁰⁴. По-видимому, эти же варяги помогли ему овладеть и Киевом. В перечне участников похода на Киев они названы первыми.

Чрезвычайный интерес в плане обретения общего имени Русь представляют известия о борьбе за Киев Святополка и Ярослава. Узнав об избиении киевским князем братьев Бориса и Глеба, Ярослав в 1015 г. выступил в поход на Киев.

В его войске была тысяча варягов и четыре тысячи «прочих», по-видимому, словен, кривичей и представителей других северных племен. Навстречу ему выдвинулся Святополк «пристрои бе-щисла вои, русь и печенѣгъ»¹⁰⁵. После утверждения на киевском столе уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для похода против Святополка и Болеслава Польского он «совокупивъ русь, и варягы и словѣнѣ»¹⁰⁶.

В приведенных свидетельствах важными являются два обстоятельства. Во-первых, летописец не отождествляет варягов с русью, во-вторых, обнаруживает последнюю только в дружинах киевских князей.

В «Повести временных лет», в статье 898 г., содержится еще одно примечательное известие, которое редко участвует в дискуссиях о происхождении названия «русь». Между тем представляет несомненный интерес. Говоря о народах, у которых «бѣ единъ языкъ словѣнескъ», летописец называет среди них и полян, именующихся теперь русью. «Поляне, яже ныне зовомая Русь»¹⁰⁷. Трудно сказать, какое точно время датирует данная фраза. С определенностью только можно утверждать, что не начало XII в. К этому периоду уже все восточнославянские племена стали «русью», и не было никакой нужды особо выделять в этом плане полян. Да и сами племенные названия давно вышли из употребления, их заменили производные от названия городов: кияне, новгородцы, смоляне, полочане и т.д.

А. Н. Насонов, исследуя вопрос о Руси в узком смысле слова, полагал, что она как территориальное и политическое образование сложилась в эпоху ослабления хазарского каганата, которая приходится на IX в. Категорически не соглашаясь с отождествлением русов с варягами, он утверждал, что последние получали это название, только попав на юг. В целом «Русскую землю» А. Н. Насонов отождествлял с теми славянскими племенами, которые находились в зависимости от хазар¹⁰⁸.

К более раннему времени отнес формирование Русской земли Б. А. Рыбаков. Согласно ему, народ «рос» или «рус» угадывается в сирийском источнике VI в. («Церковной истории» Псевдо-Захарии) о неких богатырях «ѣрос», соседствовавших с амазонками и обладавших огромным ростом. Географически область народа Рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где распространена культура пальчатых фибул. Совпадение ареала последней с летописными данными о Русской земле позволило Б. А. Рыбакову отождествить данную культуру с древностями русов¹⁰⁹. Что касается происхождения названия «рос», то оно, возможно, восходит еще ко временам готского историка Иордана, упомянувшего «вероломное племя росомонов». В V–VI вв., после гуннского разгрома, название рос или рус наложилось на имя полян, а затем и вытеснило его¹¹⁰.

Со славянами-антами отождествляли росов сирийского источника Н. В. Пигулевская и М. А. Дьяконов¹¹¹. Этот вывод разделял также О. Н. Трубочев, показавший, что на Причерноморских землях наряду с иранским этническим элементом длительное время сохранялся и индоарийский¹¹². В пользу иранского или индоарийского происхождения этнонима «русь» высказался также лингвист В. И. Абаев. Согласно его изысканиям, этноним «русь» соответствует персидскому ruxs, что означает сияние, или осетинскому ruxs-roxs — светлый¹¹³. По мысли М. И. Артамонова, росы Псевдо-Захария — это сармато-аланы Среднего Поднепровья. В VII в. они были разгромлены Хазарией, после чего на освободившиеся земли пришло славянское население, которое и унаследовало имя «русь»¹¹⁴.

Последовательным сторонником южного происхождения термина «русь» был М. С. Грушевский, который склонен видеть в нем исконно славянское слово. Согласно ему, «Русь было специальным именем киевской окрестности, Полянской земли, и если все попытки вывести его от иных, чужих народов, северных и южных, до сих пор не удаются, то не будет слишком смелою мыслью считать его просто местным известным именем киевской округи»¹¹⁵.

Когда произошла окончательная замена полян на русь, сказать сложно. Не исключено, что уже в первой половине X в. Последний раз имя «поляне» упомянуто в перечне племен, принимавших участие в походе Игоря на Византию в 944 г. Хотя и в конце IX в. название «русь» было, по-видимому, достаточно известным в Среднем Поднепровье. Подтверждением этому может быть знаменитая летописная фраза, вложенная в уста Олега, провозгласившая Киев «матерью городам руским». Примечательно, что такой чести удостоился не какой-либо северный восточнославянский город, Новгород или Ладога, где варяги появились на несколько десятилетий раньше, а южный. Да и сам Олег с дружиной стали русскими только в Киеве.

О том, что Русью первой половины X в. было только Среднее Поднепровье, свидетельствует, в частности, летописный рассказ об убийстве древлянами князя Игоря в 945 г. «Рѣша же древляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль»¹¹⁶. Из этой фразы явствует, что сами древляне тогда еще не были русью. И, может быть, поэтому они не были участниками похода Игоря на Византию в 944 г. Хотя к этому времени Русь как государство территориально уже далеко вышла за пределы своей прародины. Видимо, в нее входило все пространство вдоль пути «из варяг в греки», где проживали кривичи, словене, западные северяне и поляне.

Можно предполагать, что где-то в это время определилась и содержательная двойственность термина «русь». Отчетливо об этом говорится в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», где присутствует термин «Внешняя Русь». «Приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немограда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России».

В исторической литературе часто можно встретить, что именно к Константину восходит деление Руси на «внешнюю» и «внутреннюю». В действительности о внутренней Руси в его сочинении ничего не говорится, что повергает в смятение некоторых исследователей. Однако ничего загадочного здесь нет. Если была «Внешняя Русь», то вполне логично предполагать, что была и «Внутренняя Русь». При этом, судя по всему, это не столько географическое понятие, сколько политическое. Центральное средоточие государства Русь. Для Константина это был регион, куда сходились моноксилы и откуда они отплывали в Константинополь. Буквально: пространство между Киевом и Витичевым.

Б. А. Рыбаков, осуществивший раскопки двух из перечисленных Константином городов — Любеча и Витичева, полагал, что именно они определяют границы Внутренней Руси. Думается, что при установлении пределов собственно Русской земли не следует всецело полагаться на свидетельство византийского императора. Его знания исторической географии ранней Руси были относительными. Здесь больше оснований доверять более поздней летописной традиции.

В ней Русская земля выступает в двух значениях: широком, обозначающем все государственное пространство, и узком, указывающем на земли между Киевом, Черниговом и Переяславлем. Вот только несколько примеров.

Юрий Долгорукий, собираясь занять киевский стол, выступил из Ростово-Суздальской земли «в Русь». Обиженный за сына Ростислава, которого выгнал из Киевской земли Изяслав Мстиславич, он воскликнул: «Тако ли мнѣ части нѣту в Руской земли». После убийства Андрея Боголюбского владимирские бояре говорили: «Князь наш убьень, а дѣтей у него нету, сынок его в Новѣгороде, а братья его в Руси». Михаил и Всеволод Юрьевичи находились в то время в Чернигове. После неудачной попытки закрепиться во Владимире-на-Клязьме Михалко «поѣха в Русь». Позже, уже будучи Владимиро-Суздальским князем, Всеволод выразил киевскому князю Рюрику Ростиславичу протест из-за того, что тот не дал ему волости в Руси: «А мнѣ еси части не учинилъ в Руской землѣ».

После основания города Переяславля в Суздальско-Залесском крае суздальские летописцы стали называть Переяславль Южный Руским (Русьским, Руским). «Того же лѣта (1198 г. — П. Т.) посла благовѣрный и хрестолюбивый князь великий Всеволод Гюргевич, Павла на епископство в Русьский Переяславль»¹¹⁷.

Тожественной Киеву была Русь также и для новгородцев. В летописной статье 1135 г. говорится: «Иде в Русь архиепископ Нифонт». Перед поставлением архиепископа Ильи в Киев было отправлено новгородское посольство во главе с игуменом Юрьевского монастыря Дионисием. «В то же лѣто ходи игумен Дионисий съ любовью в Русь»¹¹⁸.

Киев и Киевщина были Русью также и для Смоленска. В рассказе об обмене подарками в 1148 г. между братьями Изяславом Киевским и Ростиславом Смоленским читаем: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царскихъ земель, а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ Верхнихъ земель и отъ Варягъ»¹¹⁹. В 1197 г. смоленский князь Давид Ростиславич отправил «сына своего Константина в Русь... брату своему Рюрикови на руцѣ»¹²⁰.

Не принадлежали к исконно Русской земле Вольнь и Галичина. Князь Изяслав Мстиславич, периодически терявший киевский стол, уходил из Русской земли на Вольнь, а оттуда снова возвращался в Русь. Дружины киевского князя Всеволода Ольговича, осадившие в 1144 г. город Звенигород, названы «Рускими полками», тогда как дружины Володимирка Галицкого именованы «галичанами». В 1152 г. Володимирко принял решение поддержать Юрия Долгорукого, «идуча в Русь, поиде к Киеву»¹²¹. Встретив киевского посла Петра Бориславича возле церкви Св. Спаса и удивившись, что тот еще не уехал из Галича, Володимирко грозно воскликнул: «Поѣха мужъ Рускый»¹²².

Из летописной статьи 1146 г., рассказывающей о борьбе князей за Киев после смерти Всеволода Ольговича, как будто следует, что к коренной Руси не принадлежала и Северщина. Брат покойного Святослав, княживший в Новгороде-Северском, предложил занять киевский стол Юрию Долгорукому. «А поиди в Рускую землю Киеву... а азъ ти сдѣ... буду ти помощникъ»¹²³. Из сказанного следует, что для Святослава Руская земля — это Киев, а помощником Юрию он обещает быть не в ней, а «сде», то есть на Северщине.

Однако, если основываться на свидетельстве арабского автора середины XII в. Идриси, особо отрекомендовавшего Северский Донец «рекой Русией», мож-

но предположить, что северяне имеют непосредственное отношение к древнейшей Русской земле. Б. А. Рыбаков уверенно относил к городам первичной Руси Новгород-Северский, Курск, Глухов, Стародуб¹²⁴.

Примеров, подобных приведенным выше, в летописи, как говорится, великое множество, и все они показывают Русь в узком значении слова в Среднем Поднепровье: между Десной на севере, Росью и Тесмином на юге, Сеймом и Сулой на востоке, Горинью на западе. Для летописцев XII–XIII вв. это своеобразная сакральная земля, где некогда существовала их общая прародина Русь. И не суть принципиально, образовалась она в IX в., как полагал А. Н. Насонов, или в VI–VII вв., как утверждал Б. А. Рыбаков, отождествлявший ее с областью распространения культуры пальчатых и антропоморфно-зооморфных фибул, важно то, что не будь этого явления в реальной жизни, не сохранилось бы и такой долгой и стойкой памяти о нем в народе.

Сторонники северного происхождения названия «русь» в качестве одного из аргументов приводят наличие там топонимов с корнем «рус». Например, город Русса. Но на юге восточнославянского мира таких топонимов и гидронимов значительно больше. Это реки Рось, Росава, Роставица на правом берегу Днепра, река Рось, приток Сейма — на левом, населенные пункты Рославичи, Ростовец, Русская поляна. Кроме них, Б. А. Рыбаков называл еще несколько топонимов с корнем «рус», которые, как он утверждал, находились на границе земли русов: Русский Орчик (южнее Полтавы), Русское Лозовое (севернее Харькова), Русская Буйловка на Дону. Известно также, что Росью называлась река Оскол¹²⁵. Как полагал известный российский лингвист О. Н. Трубачев, исследовавший Днепро-Донской регион архаических славянских гидронимов, именно здесь начал шириться этноним «рус» — «русь»¹²⁶.

Все сказанное выше не оставляет и малейшего сомнения в том, что летописные свидетельства XII–XIII вв. очертили именно то первоначальное ядро, которое положило начало формированию Киевского государства и его территории.

В некоторых исторических исследованиях, особенно украинских, можно встретить утверждение, что только эта центральная часть Киевского государства и была Русью. Все другие земли XII–XIII вв. этим именем не назывались. Разумеется, это не так. Достаточно внимательно прочитать летопись, чтобы убедиться, что название «русь» по мере окняжения восточнославянских племенных объединений распространялось из Среднего Поднепровья в другие регионы. Уверенно можно утверждать, что это имело место уже во времена княжения Владимира Святославича, когда киевская власть дошла до всех восточнославянских племен, а управление над ними сосредоточилось в руках единой княжеской династии. К этому времени вполне русской.

К примеру, жители западных княжеств во внутригосударственных событиях, как правило, именуется в летописи терминами «галичане», «владимирцы», «лучане», однако если речь идет об участии их в составе объединенных сил, сражающихся с половцами или самостоятельно осуществляющих военные походы на Польшу, Венгрию, Литву, они неизменно именуется «русью». «И ударишася Ляховѣ с Русью и потопташа Ляховѣ Русь, и победи Межько Романа, избиша в полку его руси много»¹²⁷. Здесь речь идет о военном конфликте волынского князя Романа Мстиславича с поляками в 1195 г. Аналогично названы галичане и владимир-

цы в статье 1211 года. Общую победу над боярином Володиславом и союзными ему венграми летописец подытожил словами: «И одолѣша Ляховѣ и Русь»¹²⁸. Когда в 1219 г. Мстислав Мстиславич победил венгров и поляков, летописец записал: «Тако бо милость от Бога Руской землѣ»¹²⁹.

Изгнанные из Галича мятежный боярин Судислав и венгерский королевич обратились к королю Андрею с требованием немедля выступить против Даниила Галицкого. «Изыидитѣ на Галичъ и примите землю Рускую»¹³⁰.

С такой же ситуацией мы сталкиваемся и на северо-востоке. Всеволод Большое Гнездо, обращаясь к сыну Константину, произнес такие слова: «Не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣишинство в братѣ твоеи, но и въ всей Русской земли»¹³¹. Рассказывая об участии жителей Владимиро-Суздальского княжества в различных внутренних конфликтах, летописец пользуется терминами, производными от названий городов: «суздальцы», «ростовцы», «владимирцы» и др. Однако если речь идет о взаимодействии их с иноплемениками, они неизменно именуется общим словом «русь». Болгары (волжские. — П. Т.) поидоша на Русь, одержать победу над ними «поможе Богъ Руси», полки Всеволода Юрьевича названы русскими: «Болгарѣ же, видѣвше множество Рускихъ полковъ»¹³².

Удивительно, но очень редко термины «русь» и «Русская земля» употреблялись по отношению к Новгородщине, где, казалось бы, исходя из утверждения о северном происхождении названия «русь», должны были быть наиболее органичными и встречаться особенно часто. Однако при чтении новгородских летописей создается впечатление, что новгородцы не очень-то и идентифицировали себя с русью. Такое название они охотно употребляли по отношению к Киеву.

И тем не менее в ряде летописных текстов свою связь с русью они таки определили. Рассказывая о смерти новгородского архиепископа Нифонта в 1156 г., летописец отрекомендовал его как поборника «всеи Руской земли»¹³³, а значит и Новгородщины. В сообщении о втором хождении Александра Ярославича к хану Батыю Новгородская земля названа Русью. «В лѣто 6754. ѣзди Александръ другое к Батыю, и Батыи отпусти его на Русь съ честію»¹³⁴. Аналогичной формулой пользуется летописец и в рассказе об участии Александра в отражении литовского вторжения. Одержав ряд побед, он «самъ прииде здравъ и дружина его на Русь»¹³⁵.

Подводя краткий итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы.

Начальная Русь находилась на юге восточнославянского мира, в Среднеднепровском регионе, и была западным соседом Хазарского каганата.

Образовалась она на основе полянского и северянских союзов племен с последующим включением территории древлян, а ее административно-политическим средоточием изначально был Киев.

Название «Русь», ставшее впоследствии политонимом и этнонимом для всех восточных славян, имеет южное происхождение. Его бытование засвидетельствовано со времен проживания здесь ираноязычных сарматских племен.

Что касается скандинавов, то они не приносили в Среднее Поднепровье название «Русь», но обретали сами его здесь, когда поступали на службу к киевским князьям и интегрировались в административно-политические структуры Киевского государства.